

Külli Priillop, Optimaalsusteoreetiline käsitus eesti keele fonoloogilisest kujunemisest, Tartu 2011 (Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis 28). 260 c.

Теория оптимальности (далее: ТО) представляет собой наиболее распространенную в современной фонологии формальную теорию, первую версию которой в начале 1990-х годов предложили А. Принс и П. Смоленский. Основную роль в ТО играют т. н. ограничения, которые здесь в отличие от стандартных теорий генеративной грамматики не категорические (т. е. допускают исключения) и к тому же универсальны (т. е. не зависят от изучаемого языка). Зависимой от языка, по ТО, является только иерархия ограничений. В ходе развития языка эта иерархия может меняться, каждое изменение языковой системы интерпретируется как изменение иерархии ограничений.

Ограничения в рамках ТО бывают двух типов. Ограничения первого типа (англ. *faithfulness constraints*) требуют идентичности конечных (или поверхностных) форм исходным (или глубинным) формам, а ограничения второго типа (англ. *markedness constraints*) требуют использования наименее маркированных форм. Если, например, ограничение первого типа «конечный согласный поверхностной формы должен быть тождествен конечному согласному исходной формы» в иерархии ниже, чем ограничение «конечный согласный поверхностной формы не может быть звонким», то происходит чередование (внутри слова) *-d-* : (в конце слова) *-t*, как в современном русском языке. До тех пор, пока иерархия противоположна, такого чередования не происходит. Иерархия ограничений выявляется в работе т. н. оценщика, в задачу которого входит выбрать из теоретически возможных кандидатов на поверхностную форму оптимальный вариант, т. е. наиболее соответствующий той иерархии, которая в данный момент существует в языке. Оценщик изображается в ТО в виде таблицы, где помещенные в существующую иерархию ограничения отфильтровывают всех кандидатов, кроме

одного, который оказывается оптимальным. Не существенные же для определенного языка ограничения находятся так низко в иерархии, что они никогда не используются. До сих пор не установлено количество ограничений, с помощью которых можно было бы описать все языки, поэтому одна из задач развития ТО — установить универсальный минимум ограничений. При описании конкретного языка (в данном случае эстонского) следует избегать ограничений, которые не понадобятся для описания любого другого языка.

Кюлли Приллоп поставила перед собой цель описать формирование фонологической системы эстонского языка с помощью теории оптимальности. Первая (пронумерованная) глава работы знакомит с основными принципами и понятиями ТО, во второй рассматривается применение ТО для описания языковых изменений. Важнейшие изменения фонологической системы эстонского языка и их толкования в свете ТО представлены в третьей и четвертой главах. В третьей главе описывается период, предшествовавший большим изменениям, а в четвертой — изменения, которые начиная с XIII века формировали современный эстонский язык. К раннему (или праприбалтийско-финскому) периоду относится прежде всего возникновение чередования смычных и системы ударения, связанной с ним, а к более позднему — утрата исконных дифтонгов в непервых слогах, дальнейшее развитие чередования степеней (качественное и количественное чередования в современном эстонском языке), синкопа и апокопа, возникновение и укорочение долгих гласных в непервых слогах, утрата гармонии гласных и отпадение некоторых конечных согласных. Наряду с ТО в работе К. Приллоп существенная роль отводится моровой теории. Хотя моровая теория и использовалась ранее в исследованиях по эстонской фонологии, она заслуживала

бы, пожалуй, и здесь отдельной главы уже в начале работы. Это позволило бы еще до применения ТО познакомить читателя с своеобразной фонологической структурой эстонского языка и ее прежними описаниями. Такую информацию содержит резюме на английском языке, но автор предполагает, очевидно, что читателю эстонского текста она известна. Хотя языковое изменение и можно описать с помощью ТО как изменение иерархии, последнее в общем случае нельзя считать объяснением или причиной языкового изменения. В принципе можно было бы, наверно, (попытаться) объяснить изменение иерархии, связанное с тем или иным языковым изменением, совпадением новой иерархии с иерархией какого-нибудь контактирующего языка. Если, например, мы хотели бы объяснить возникновение звонких смычных в вепском языке влиянием русского языка, в рамках ТО это прозвучало бы так: ограничение второго типа «смычный не может быть звонким», занимавшее в правепском высокую позицию, в современном вепском языке сдвинулось примерно на тот же уровень, что и в русском языке.

В исторической фонологии как эстонского, так и других прибалтийско-финских языков наибольшие разногласия вызывают вопросы, касающиеся возникновения и развития чередования ступеней. К. Приллоп не считает нужным связывать возникновение чередования ступеней (да и других изменений в эстонском языке) напрямую с языковыми контактами, хотя в ходе своего анализа цитирует и тех авторов, которые пытаются связать возникновение чередования ступеней именно с влиянием соседних языков. По предлагаемому ею объяснению причиной появления чередования ступеней была попытка воспрепятствовать озвончению (или ослаблению) смычного в сонорном окружении. В начале открытого слога это можно было сделать, поделив мору слога между начальным смычным и ядром, в закрытом же слоге нет: поскольку безударный слог не может быть тяжелым (двухморным), мора должна была быть поделена между ядром и кодой. Тем са-

мым чередование ступеней — это не ослабление или усиление, а то и другое вместе. В открытых слогах смычные поначалу удлинились, в закрытых слогах не удлинившиеся смычные стали короче и, наконец, пропали. Чередование ступеней двойных смычных не обязательно аналогично чередованию степеней одиночных смычных, а возникло потому, что глухие звуки не могли быть связаны с самостоятельной морой. Когда на глубинном уровне связанные с морой смычные в этих условиях стремились сохранить свою мору, это оказалось возможным только в открытых слогах.

Очень существенными изменениями в истории эстонского языка были синкопа и апокопа, так как они связаны с возникновением теперешнего противопоставления трех степеней долготы. Дискутировался вопрос о том, исчезли ли прежде всего гласные непрерывных слогов, в результате чего первый слог удлинился, или наоборот. К. Приллоп считает, что в эстонском языке еще со времен утраты смычных действовал принцип: закрытый слог должен относиться к какому-нибудь такту речи: (*ka.lan*), (*sil.män*). Принадлежность открытых слогов такту речи зависела от структуры предыдущего слога: если он был кратким (т. е. без коды), следующий за ним слог принадлежал такту, а в противном случае нет: (*ka.la*), но (*sil.mä*). Утрата гласного открытым слогом без такта — это естественный процесс, ему могло фонетически способствовать удлинение последней моры такта. С другой стороны, поскольку гласный после длинного слога был без такта, при быстром темпе речи он мог редуцироваться настолько, что переставал восприниматься, при этом первый слог воспринимался как удлиненный. В грамматике нового поколения, которая допустила утрату гласных, удлинение первого слога было следствием утраты гласного в том смысле, что при утрате гласного освободившуюся мору связывали по возможности с наиболее сонорным сегментом. Как следствие утраты гласного и сопутствующего ей удлинения, в языке появился трехморный односложный такт речи (*silm*), которому противостоял

двухморный двухсложный такт речи (*sil.män*). В таких формах, как паритив (*sil*).mä (< (*sil*).mä.ä), удлинения не произошло и односложный такт речи остался двухморным. Но позже все односложные такты речи стали подобны трехморным. Современные формы третьей степени долготы тем самым имеют разное происхождение.

В целом рецензируемая работа свидетельствует, что ее автор хорошо ориентируется как в примененной теории, так и в исследуемых вопросах. Правда, в разделах, касающихся финского языка и (пред)истории прибалтийско-финских языков встречаются некоторые неточности и положения, с которыми автор данной рецензии не может полностью согласиться. Насколько результаты работы соответствуют исторической действительности, зависит в

первую очередь от того, можно ли считать достаточно разработанной примененную в исследовании теорию оптимальности, чтобы делать окончательные выводы. В любом случае ТО позволяет снова взглянуть на старые проблемы, но уже в новом свете. Хочется надеяться, что новаторская работа Кюлли Приллоп вдохновит и других специалистов по прибалтийско-финским языкам попытаться применить ту же теорию для описания развития какого-нибудь близкородственного эстонскому языка.

ЭЙНО КОПОНЕН (Таллинн)

Address

Eino Koponen
Tallinn University
E-mail: koponen@tlu.ee